

Научная статья

УДК 821.161.1 (82.32)

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2024-2/9-16>

## Мотив счастья в повести А.П. Чехова «Степь»

**Татьяна Федоровна Панченко**

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка и литературы,

[panchenko.tf@dvfu.ru](mailto:panchenko.tf@dvfu.ru)

**Аннотация.** Произведения А.П. Чехова второго этапа творческой эволюции называют «бесфабульными», поскольку в них ослаблен внешний событийный компонент. Сюжетное движение авторской мысли организуется не за счет смены действий, а благодаря развернутой системе повествовательных мотивов, инвариантным из которых в повести «Степь» является мотив дороги, обладающий валентностью и способностью имплицировать определённый набор «привходящих» мотивов. Цель настоящего исследования – рассмотрение художественной реализации мотива счастья, для чего автор анализирует его лексическое и смысловое наполнение в связи с образом центрального героя повести – Егорушки и природными образами.

**Ключевые слова:** А.П. Чехов, повесть «Степь», мотив, сюжет, система образов, счастье

**Для цитирования:** Панченко Т.Ф. Мотив счастья в повести А.П. Чехова «Степь» // Дальневосточный филологический журнал. 2024. Т. 2, № 2. С. 9–16.

Original article

## The Motif of Happiness in A.P. Chekhov's Story "The Steppe"

**Tatiana F. Panchenko**

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of the Russian Language and Literature, [panchenko.tf@dvfu.ru](mailto:panchenko.tf@dvfu.ru)

**Abstract.** The works of A.P. Chekhov of the second stage of creative evolution are called “fableless”, since the external event component is weakened in them. The plot movement of the author's thought is organized not through a change of actions, but thanks to an expanded system of narrative motifs, the invariant of which in the story “The Steppe” is the road motif, which has valence and the ability to imply a certain set of “incoming” motifs. In this regard, this study aims to consider the artistic implementation of the happiness motif, for which the author analyzes its lexical and semantic content in connection with the central character of the story Yegorushka and nature images.

**Key words:** A.P. Chekhov, story “The Steppe”, motif, plot, system of images, happiness

**For citation:** Panchenko T.F. The Motif of Happiness in A.P. Chekhov's Story “The Steppe”. *Far Eastern Philological Journal*, 2024, vol. 2, no. 2, pp. 9–16. (In Russ.).

Чеховские тексты – сложные, «ёмкие» и «непокорные», их необходимо изучать частями, исходя из «конкретного анализа его творчества», не пропуская «мелких частностей» [4, с. 241–243], о которых говорил А.П. Чехов. Такими высокоинформативными, семантически нагруженными «частностями» можно считать мотивы, с помощью которых писатель кратко и точно передаёт свое восприятие мира, систему нравственных и эстетических ценностей.

**Цель настоящего исследования** – анализ реализации мотива счастья в повести «Степь». Достижению поставленной цели способствует решение ряда **задач**: дать определение категории «мотив», выявить все лексические дефиниции, эксплицитно и имплицитно выраженные в произведении, рассмотреть смысловое наполнение мотива в сюжете, определить роль мотива для понимания образа Егорушки и повести в целом.

Александр Петрович Чудаков, создавший периодизацию творчества писателя, определяет начало второго этапа с 1888 года, когда была написана «Степь» и другие «серьёзные рассказы» и повести, в основе которых – размышления над вопросами бытия, «внешне» скрытыми и лишь имплицитно «угадываемыми», поскольку способом их реализации являются мотивы: бытийные (экзистенциальные), предметные и лирические. Мотивы представлены в связях друг с другом, образуют мотивные ряды, что объясняется важным для творческого метода писателя принципом «индивидуализации каждого отдельного явления», по словам Владимира Борисовича Катаева [1, с. 92], особым чеховским психологизмом, содержательной значимостью каждого явления материального мира, который не может быть исключен, устранён из его поля зрения, а также неповторимым колоритом произведений, их настроением, тональностью.

В настоящей статье под **мотивом** понимается *минимальная, повторяемая, структурно-семантическая единица художественного целого, связанная с героем, его рефлексией, обладающая валентностью, т. е. способностью организовывать «открытый незавершённый ряд мотивов»*. Под мотивным рядом понимается совокупность вариантов одного мотива [2, с. 8].

Годом ранее, в 1886–1887 годах, А.П. Чехов, художественно исследуя обыкновенную жизнь обыкновенных людей, вышел на новаторский уровень философского обобщения характеров при отсутствии внешнего действия, что отражено в рассказе «Счастье», в котором названная коннотация становится ведущей темой и образом на фоне общей так называемой «бесфабульности». Понятие «счастье» осмыслено в произведении как неоднозначное, то есть имеющее и «тело», и «душу», материальный и идеальный смыслы. В значении слова «счастье» присутствуют, по мысли польского философа, эстетика, искусствоведа Владислава Татаркевича, «два семантически неразложимых признака – «семантических примитива»: «желание» и «благо». Счастье связано с мечтой, идеалом как духовными составляющими и богатством, достатком как материальным условием осуществления мечты. «Счастье» – понятие гибридное, оно объединяет предметные области «состояний дел» и «состояний духа», то есть «внутренний» и «внешний» миры человека, микрокосм и макрокосм, душу и тело, и уже в силу этого оно обречено на семантическую нечёткость, отсутствие резких концептуальных границ и дефиниционную неопределенность: «счастье – понятие трудное, для многих неопределенное и туманное» [3, с. 282].

Мысли о счастье будоражат сознание, изменяют героев чеховского произведения «Счастье»: старого и молодого пастухов, объездчика Пантелея. Наибольшее воздействие история о «зарытом кладе», дорогу к которому никто не ведает, произвела на молодого пастуха, который в финале «стоял, весь преображенный» и сумел по-новому увидеть рассвет и ощутить красоту Божьего мира. Счастье героями произведения познается в «дороге», в «пути». Оно не

приходит в обычной ситуации, для его обретения героям необходимо ощутить временной сдвиг, чтобы соединились «земля» и «небо», «сиюминутное» и «вечное».

Исследуя какую-либо тему, А.П. Чехов обычно задает два вектора, чтобы мотивы, организующие пространство размышлений, определялись попарно: «казалось» – «оказалось», «тогда» – «ныне», «счастье» – «несчастье».

В «Степи», имеющей подзаголовок «история одной поездки», ведущим, композиционно обрамляющим является мотив дороги: девятилетний мальчик Егорушка по воле матери, желающей «осчастливить сына», едет с оказией в город поступать в гимназию. Однако мальчик, не понимая ее намерений, плакал и «чувствовал себя в высшей степени *несчастливым человеком...*» [5, с. 74]. Его попутчиками являются два обитателя уездного города N – дядя по матери Иван Иванович Кузьмичов и отец Христофор Сирийский, настоятель N-ской церкви. В финале мальчик по-прежнему бессознательно «почувствовал, что <...> для него *исчезло навсегда, как дым <...> то, что <...> было пережито <...>*, и горькими слезами приветствовал новую, неведомую жизнь, которая *теперь начиналась* для него. Какова-то будет эта жизнь?» [5, с. 165]. Между этими двумя сюжетными «точками» и находится диапазон «счастья / несчастья» в повести «Степь».

Основным приемом постижения смысла повести выберем названный Г.А. Гуковским (вслед за автором) «целостным» сюжетный прием. В экспозиции наметим две ипостаси реализации мотива счастья: «внешнюю», связанную с прямыми высказываниями попутчиков Егорушки, других персонажей, и «внутреннюю» – назовём её условно «авторской». Первая сторона мотива тоже имеет несколько вариантов: явно «практическую» («прагматическую», возможную без всякой «учёности») определенность – её формулирует Кузьмичов, и другая сторона – счастье как благо, связанное с верой, добром – её формулирует о. Христофор. Другие вариативные формы рассмотрим по ходу сюжета. «Внутренняя» ипостась мотива имплицитно присутствует во всей повести и прямо не выражена, но ощущается в авторских описаниях природы, а также в постепенно открывающихся Егорушкой жизненных смыслах, что передано через перетекание прямой авторской (повествовательной) речи в речь Егорушки, использованием «несобственно-прямой речи». Именно она создаёт мотивные ряды и демонстрирует валентность мотива.

Мальчик в начале повести является только объектом рассуждений взрослых: он пассивен, покорен воли матери, которая отправила его в путь-дорогу. Разговор Кузьмичова и отца Христофора в экспозиции произведения происходит без участия Егорушки, они сами решают, может ли быть от учения «польза» и в чём конкретно она выражается: «...ежели все пойдут в учёные да в благородные, тогда некому будет торговать и хлеб сеять» (Кузьмичов) противопоставлена точке зрения о. Христофора: «а ежели все будут торговать и хлеб сеять, тогда некому будет учения постигать» [5, с. 76]. Позиция матушки Ольги Ивановны сближена с позицией о. Христофора, но слово «осчастливить» представлено в речи Кузьмичова. Тем самым, оставляя спор героев без авторских комментариев, но используя тема-ремную антитезу, Чехов включает в него и Егорушку, и читателей. Необходимость «хлеб сеять» и «учения постигать» очевидна для жизни.

Между тем вокруг путников «расстилалась <...> широкая, бесконечная равнина <...> солнце уже выглянуло ... и тихо, без хлопот принялось за свою работу... и вдруг вся широкая степь сбросила с себя утреннюю полутьму, улыбнулась и засверкала росой» [5, с. 76]. Никто из путешественников не обращает на это внимание: кучер Дениска зазевался на сонную,

лежащую на возу с сеном девку, взрослые молчали, а Егорушка видел «всё одно и то же – небо, равнину, холмы» [5, с. 77], которые не вызывали в нем восторга.

В авторской речи появляется образ одинокого тополя, очеловеченного красавца, развивающего мотивный ряд о счастье: «Счастливы ли этот красавец?» Образ дерева вписывается в вечное время (лето, зима, осень – вся жизнь), которое вместе с безграничным простором степи расширяют хронотоп произведения, превращая единичный (частный) случай в предмет философского раздумья. Красота тополя соотносится с веселой работой косарей, среди которых выделяется одна баба, засмотревшаяся на кумачовую рубаху Егорушки.

Думается, неслучайно динамика авторского взгляда останавливается на Егорушке: красота, великолепие и сложность жизни ему раскроются постепенно. Во время дальнейшего путешествия он почувствует в мельничном ветряке колдовские чары, потом «услышит очень ласковое журчание» другого воздуха [5, с. 80], и «игру кузнечика на своей скрипке» [5, с. 83], и «тихое пение» женщины, будто пение самой травы [5, с. 84]. Мальчик как будто постепенно растворится в жаркой природе, сольется с ней, видя, как закачалась «лиловая даль и вместе с небом понеслась куда-то еще дальше», как «она потянула за собою бурую траву, осоку, и Егорушка понесся с необычайною быстротою за убежавшею далью» [5, с. 86]. Какая-то сила бесшумно влекла его куда-то. Знакомство с мальчиком Титом, засмотревшимся на красную рубашку Егорушки, прыжки наперегонки на одной ноге с Дениской – эта детскость тоже следствие той красоты жизни, которая открылась мальчику впервые, в то время как взрослые спали, пережидая жару. Остановка в дороге очень важна: после нее мальчик уже не безразличен к степи, он фантазирует, воспринимает ее как живую.

Другая остановка на постоялом дворе вновь актуализирует мотив счастья, воспринимаемый хозяином как желанная встреча, то есть развивает мотивный ряд: «И такой сегодня для меня счастливый день!» [5, с. 91, 95]. Настроение хозяина, непрестанно радостно восклицającego, взвизгивающего, «ужасающегося», улыбающегося мучительно-сладкой улыбкой, контрастно надписи «Равнодушные человеков» под засиженной мухами гравюрой в его доме. Его счастье – в большой семье, в которой он уже «достиг предела своей жизни <...>. Дочек за хороших людей определил, сынов в люди вывел и теперь свободен, свое дело сделал, теперь хоть на все четыре стороны иди» [5, с. 95]. Его представление о счастье материальное. Однако то, что увидел Егорушка в его доме, что услышал (иногда подслушал), дает много пищи для размышлений о жизни. В главе содержится множество идеологических, национальных, нравственных, социально-исторических проблем, воспринятых детским сознанием без понимания и представленных на уровне вопросов: почему человек, ничего из себя не представляющий («ощипанная фигура» Соломона), презирает всех? Сколько на «кучу» денег можно купить бубликов? Почему священники становятся купцами? Почему гостиничный пряник вкуснее «леденцов и маковников»? Можно ли сменить веру? Почему некоторым «не нужны ни деньги, ни земля, ни овцы, и не нужно, чтоб... боялись»? Почему от женщин пахнет великолепием? Кто этот таинственный Варламов, необходимый даже красивой графине? И кто такие ляхи, евреи? Всегда ли необходимо «кружиться день и ночь», чтобы достичь благополучия? [5, с. 99–104]. На эти и другие вопросы у мальчика нет ответов, но есть желание их получить – а это тоже следствие расширения детского кругозора, обретенного в дороге.

К этому же этапу «взросления» отнесем тот факт, что мозг Егорушки учится удерживать «сказочные, фантастические образы» [5, с. 105], а не только привычные, земные, видимые реалии. Особенное обострение чувств приходит вечером и ночью, когда «во всем начинают

чудиться торжество красоты, молодость, расцвет сил и страстная жажда жизни <...> И в торжестве красоты, в излишке счастья чувствуешь напряжение и тоску, как будто степь сознаёт, что она одинока, что богатство ее и вдохновение гибнут даром для мира, никем не воспетые и никому не нужные» [5, с. 107]. Мотив пения вливается в мотив счастья. Радость и горечь, торжество и тоска, вдохновение и гибель сливаются в единой эмоции. Именно после этого «освоенного состояния» происходит своего рода жизненная развилка: до этого Егорушка ехал вместе с дядей и о. Христофором, сейчас их дороги расходятся. Чехов как бы готовит мальчика и читателей к пониманию необходимости одиночества для познания жизни. Степь одинока, Егорушка остался наедине с чужими людьми, ему одному приходится думать о серьезном – о богатырском [5, с. 109]. Дорога становится совершенно иной: «местность не походила на вчерашнюю», «даль туманилась» [5, с. 108], становилось «непонятно и странно» [5, с. 109].

Риторические созерцательные вопросы: «Кто по ней ездил? Кому нужен такой простор?», «Хорошо ли душе в степи?» сменяются нравственным: «Зачем Дымов убил ужака?», показывающим, что Егорушка растет в дороге – замечает других людей, учится с ними общаться, наблюдает за поведением разных «подводчиков» (стариком Пантелеем, Кирюхой, Емельяном, Василием, Дымовым), узнаёт простой быт простого народа, умеющего есть из одного котла, способного на совместный труд для общего дела. Неслучайно здесь появляется упоминание мотива счастья в необычном значении – как о признаке глупости. Это замечание сделано как бы вскользь, даже не в связи с персонажами, как-то связанными с Егорушкой. «Счастливец» назван чернобородый погонщик, «в голосе и смехе которого чувствовалась непроходимая глупость»: он не остановил Дымова, убивающего «змея», а разразился басыстым, кашляющим смехом» [5, с. 112]. Категория счастья тоже предстает с разных сторон. С одной стороны, мальчик ощущает себя «ломоносовым», едущим за учением, которое его прославит, с другой – он все еще «паничок», барин, а не один из «погонщиков». Таким образом он готовит себя к учению, но сначала учится вести себя в церкви, самостоятельно тратить деньги (пока, конечно, на семечки и сладости) и снимать шапку перед приемом пищи. В его детском сознании происходит понимание людей как добрых и злых, и рождается желание сотворить какое-нибудь зло против «озорника» Дымова [5, с. 126]. Его сознание пока сродни природе, поэтому вступает в силу закон «око за око».

Если социальные отношения вызывают противодействие Егорушки, то с миром природы он все больше срастается. Образ неба, увиденного глазами мальчика, соединяет «земные» и «фантастические» наблюдения, в которых сливаются два голоса – автора и Егорушки. «Звёзды, глядящие с неба уже тысячи лет, само непонятное небо и мгла, равнодушные к короткой жизни человека, когда остаёшься с ними с глазу на глаз и стараешься постигнуть их смысл, гнетут душу своим молчанием; приходит на мысль то одиночество, которое ждет каждого из нас в могиле, и сущность жизни представляется отчаянной, ужасной» [5, с. 126]. Эта авторская повествовательная речь комментируется детскими воспоминаниями об умершей бабушке с медными пятаками на глазах, о воображаемой будущей смерти мамы, о. Христофора, графини Драницкой и Соломона, и мечтами о собственной вечной жизни: «лично для себя он не допускал возможности умереть и чувствовал, что никогда не умрет» [5, с. 127]. Появляется много деталей, символических знаков: могильный крест, напоминающий о необходимости выбора, костер как свет и тепло от единения душ (вероятно, здесь намечена связь с будущим рассказом «Студент»). Пока становится ясно: все самые важные выводы человек делает самостоятельно, в одиночку.

Мотив счастья развивается с появлением влюбленного и счастливого человека Константина, «счастливого до тоски», выражающего «томительное счастье» [5, с. 138]. После его вдохновенных рассказов о счастливом состоянии влюбленности всем тоже хотелось счастья, но эта мечта вызвала только «скуку». И здесь обратим внимание на необычное соединение разных эмоций в сознании не только Егорушки, но и взрослых мужиков: «озорник» Дымов вдруг запел жалостно; потерявший голос бывший певчий дьяк Емельян зашевелил пальцами, попросил спеть что-нибудь божественное и когда никто не поддержал, сам беззвучно «запел» руками, головой, дыханием; диким голосом запел Кирюха, степное эхо «подхватило и понесло». Позже «скукой» от однообразной жизни Дымов объяснит причину своего зла (убийство ужа). Только счастливый Константин не замечал «скуки», он пошел на другой огонек, чтобы «поведать чужим людям о своем счастье» [5, с. 140]. Мысль автора, что счастьем необходимо делиться, оно не может принадлежать только одному, счастье должно быть общим, одним на всех, нами было обнаружено в одноименном рассказе «Счастье», созданном двумя годами ранее.

Мы упомянули об амбивалентных мотивных связях в произведениях Чехова. Так и здесь: огонь костра, сблизяющего людей, позволяющего им чувствовать локоть друг друга, «горячо жжёт» [5, с. 143]. Летнее тепло становится «духотой», страстное желание Егорушки наказать «забавника» – оскорблением, месть – проклятием и призывом к избиению Дымова. Совершая этот единственный самостоятельный поступок, Егорушка испытывает психологическое потрясение: трясется, топает ногами, заливается слезами – ему стыдно совершенного, он переживает отчаяние, жалеет себя, ощущает брошенным на произвол судьбы, желает убежать назад, но в то же время страшится придорожных могильных крестов.

Так Егорушка проходит «крещение» (инициацию) взрослением. Под стать его состоянию и погода: бешеный ветер гнал черные тучи, звезды нахмурились, вихри увлекали с земли пыль, залеплявшую глаза. Единственное, что видел Егорушка, прятаясь от непогоды под рогожей, была «большая дорога до самой дали» как нечто предначертанное самой судьбой, неизбежное и данное свыше [5, с. 146]. Активность героя словно замирает: Егорушка не может повернуться, чтобы закрыть колени, которые мгновенно стали мокрыми. Все происходит «вдруг», «нечаянно», «страшно», «зловеще». Егорушка простудился и заболел. В бреду, оказавшись в «маленьком хлеvice», жалел себя, сопоставляя с промокшим и испорченным новым и дорогим пальто – «оба брошены на произвол судьбы <...>, им уже больше не вернуться домой» [5, с. 152]. Спокойный ответ мудрого Пантелея: «Ничего, скоро до места доедем. Оно ничего, согреешься» [5, с. 153] – воспринимается как вечная неотвратимость постоянных лишений на дороге жизни, на пути за счастьем.

Завершая историю одной поездки, Чехов не забывает о мотиве счастья. Только о нем говорит в конце повести о Христофоре, который «счастлив» тем, что «взял хорошую пользу на шерсти» [5, с. 155]. Он будто поменялся местами с Кузьмичовым, который подсчитывал лишь недополученную выгоду (как Яков Бронза в будущей «Скрипке Ротшильда»). Практическая польза сделала Христофора счастливым. Но внешне он остался все же священником: излечил Егорушку, сходил в церковь, принес болящему щедрый завтрак, дал наставление учиться и не забывать мать.

После лечения о Христофора мальчик чувствовал себя прекрасно, хотел бежать смотреть пароход на широкой реке. Преодолев болезнь, был готов к постижению новых впечатлений. Но широкий мир степи сузился до блуждания по узким улочкам города в поисках дома

подруги матери. Сожаление от закончившегося путешествия выражено во внутреннем размышлении Егорушки: «Прощай брочка!» [5, с. 160]. Дорога теперь не вызывает у него неприятных ассоциаций, которые были прежде. Ему хочется нового движения, лежать на возу, глядя в бесконечное небо, несмотря на духоту, грозу, болезнь... Путешествие закончилось, но движение жизни продолжается.

Кузьмичов, исполняя волю сестры, отвел Егорушку к Настасье Петровне и оставил в доме «за серым забором» [5, с. 161]. Торг оказался взаимовыгодным – десять рублей в месяц – и вполне устроил обе стороны. В повести происходит постепенное сужение пространства, оно «захлопывается», когда в комнате внимание мальчика привлекает «клетка со скворцом» [5, с. 163]. С ним, скорее всего интуитивно, сопоставил себя мальчик (деталь появляется в описании интерьера, показанного его глазами). Прекрасная степь, с запахами, дождями, новыми людьми сменилась закрытой квартирой и «бородавкой» на лице старухи. От этого Егорушке «было грустно, очень грустно!» [5, с. 164]. Так Егорушка остался в городе, не зная, какая она будет, его новая жизнь.

Таким образом, мотив счастья проходит через весь сюжет повести. Сюжетное движение по дороге и позволяет мотиву реализоваться. Счастье осознаётся как состояние самой жизни, но оно обретается в пути, познаётся теми, кто идёт, потому что категория счастья амбивалентна: мы отмечали его разные ипостаси, рассмотрели многообразные «оборачиваемости». Счастье и в узнавании самого себя, и в открытии новых человеческих отношений, и в возможности преодоления собственной «косности». Мотив счастья представлен в произведении и как намерение матери, и как практическая польза в дальнейшей / взрослой жизни, и как счастье одиночества, позволяющего понимать себя и других, а также размышлять, наблюдать, фантазировать, мотив счастья проявляется и в глупости / дурачестве, и в необдуманных поступках, мотив счастья показан и в любви, а также в тоске и печали о случившемся. Обобщая, можно отметить, что мотив счастья в повести А.П. Чехова «Степь» – это переживание моментов самой жизни. Мы отметили сходство в решении мотива счастья с одноимённым рассказом, а также наметили возможные модификации и развитие в позднейшем творчестве. Мотив счастья связан прежде всего с растущим героем повести, Егорушкой, его размышлениями о мире и себе самом. Мы отмечали разнообразные варианты мотива «счастья» и в других (этических) категориях добра и зла, веселья и скуки, радости и тоски, блага и горя, удовольствия и необходимости, пользы и безделья, учения как духовной пищи и работы, а также в связи с категориями веры и неверия, почитания и забвения, греха и раскаяния, очарования и разочарования, смерти и жизни и др. Этот ряд мотивов-антитез открыт, не завершён. Продолжение исследования видится в подробном рассмотрении связи мотива счастья с хронотопом произведения, рассмотрении связей-противоречий с гоголевскими мотивами, задающими ее композиционный хронотоп, а также позволяющими обнаружить внутреннюю авторскую систему мотивов, контекстно реализуемых в других произведениях, особенно с мотивом «казалось» – «оказалось», который получит развитие в более поздних произведениях писателя.

### Список литературы

1. Катаев В.Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации. М.: Изд-во МГУ, 1979. 326 с.
2. Лишова Н.И. Мотив странствий в художественном дискурсе М.М. Пришвина: дисс. ... канд. филол. наук. Елец, 2012. 190 с.
3. Татаркевич В. О счастье и совершенстве человека. М.: Прогресс, 1981. 368 с.

4. Чехов А.П. Письмо Чехову Ал. П., 10 мая 1886 г. Москва // Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. Т. 1. Письма, 1875–1876. М.: Наука, 1974. С. 241–243.
5. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. Т. 7. 1888–1891. М.: Наука, 1985. 552 с.

### References

1. Kataev V.B. Chekhov's Prose: Interpretation Problems. Moscow, Moscow University Press, 1979. 326 p. (In Russ.).
2. Lishova N.I. The Motif of Wandering in Artistic Discourse of Prischvin M.M. Thesis of PhD in Philology. Elets, 2012. 190 p. (In Russ.).
3. Tatarkevich V. On Happiness and Perfection of a Human. Moscow, Progress, 1981. 368 p. (In Russ.).
4. Chekhov A.P. A Letter to Chekhov Al. P., the 10<sup>th</sup> of May 1886 Moscow. *Full Collection of Works and Letters: in 30 vols. Letters: in 12 vols. Vol. 1. Letters 1875–1876.* Moscow, Nauka Publ., 1974. P. 241–243. (In Russ.).
5. Chekhov A.P. Full Collection of Works and Letters: in 30 vols. Works: in 18 vols. Vol. 7. 1888–1891. Moscow, Nauka Publ., 1985. 552 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию / Received 26.01.2024

Одобрена после рецензирования / Revised 30.01.2024

Принята к публикации / Accepted 07.02.2024